

Слова, вынесенные в заголовок, – это название двухтомного сборника документов, опубликованных комитетом по делам архивов Нижегородской области в 2018 году. Составители и редакционная коллегия во главе с Б.М. Пудаловым проделали огромную работу, и их труд, безусловно, заслуживает нашей благодарности. Хронологические рамки сборника охватывают интервал с 1 января 1913 до 18 июля 1918 года. Большая часть документов печатается впервые. На мой взгляд, выход подобного сборника является серьезным событием в нашей жизни и, безусловно, информацией к размышлению.

Жизнь наших предков есть иносказательно наша, собственно, жизнь как народа, только в другое время и в других условиях, это те же «мы» в других обстоятельствах. Пытаясь узнать их лучше, мы познаем сами себя. И тогда период, обозначенный в названии сборника, принципиально важен, поскольку он рисует нашу – как народа – жизнь и наш выбор в исключительно судьбоносное время. Время это определило путь нашего народа в прошлом веке и продолжает определять сейчас.

Публикация имеет и не только местное, но и общероссийское значение. Ведь правление династии Романовых началось в 1613-м, и неоспоримо важнейшую роль в восстановлении государства и приходе династии к власти сыграло Нижегородское ополчение. Неслучайно празднование 300-летия дома Романовых после столицы продолжалось

в Нижнем Новгороде. Роль наших земляков в Смутное время и в Великую Отечественную войну 1941–1945 гг. была гигантской. Можно сказать так: своего рода проверочным показателем прочности государства и режима являлась Нижегородская земля. Если все прочно и хорошо в Нижнем Новгороде, то можно надеяться на прочность и благополучие во всей России! Очень правильно сделали редакционная комиссия громадного двухтомного сборника, расширив хронологические рамки переломного военно-революционного времени и на 1913 год. Это оправданно и весьма показательно для всей России. К тому же самосознание и народных масс в то время быстро росло, как и их активность. Понятными и близкими выглядят документы с требованиями рабочих забастовщиков, потому, что в них были не только экономические претензии, но и сугубо человеческие: «вежливое отношение мастеров с рабочими», «вежливое обращение администрации с рабочими».

Удивительно, что пока нет реакции историков на эту интереснейшую серьезную работу. Ведь сегодня общественное сознание практически порвано в клочья, различные социальные слои воспринимают кардинальные повороты нашей истории по-разному. Появилось множество наших земляков, декларирующих православные и монархические начала, но в то же время существует масса людей, настроенных однозначно на демократические ценности и западные образцы, сохраняется и мощная ностальгия по советскому времени и коммунистическим идеалам. Разрушение советской системы образования привело к незнанию собственной истории, к тому же искажаемой безответственными средствами массовой информации. В подобной ситуации исключительно важно разобраться с ключевыми поворотами истории. Рецензируемый сборник архивных документов дает нам великолепную возможность сделать это с опорой на факты реальной жизни наших предков.

Боль и сожаления об ушедшей эпохе живы и в наше время. Многие сюжеты современности вынуждают сразу же видеть аналогии в прошлом.

Вот говорят: кому война, а кому мать родна. В сборнике приводятся примеры капиталистического обогащения на военных поставках и на трудностях военной поры. В свое время писал о подобном наш земляк профессор А.В. Седов: «Олицетворением буржуазного хищничества на военных поставках и нуждах военного времени в Нижнем Новгороде явилась деятельность самого городского головы», «беззастенчиво используя свое высокое служебное положение, Сироткин через ВПК прибрал к рукам наиболее выгодные военные заказы. Только на поставках в армию сапог и подков он нажил несколько миллионов рублей... Задешево фрахтовал транспорт для перевозки хлеба, а разницу в цене клал в карман». Сироткин был председателем Нижегородского биржевого комитета Всероссийского союза городов, председателем Нижегородского областного и биржевого военно-промышленных комитетов, уполномоченным Министерства продовольствия по закупке хлеба для армии в районе Средней Волги.

В сборнике публикуется подборка документов, далеко не всех, о махинациях этого «даровитого предпринимателя», дабы напомнить «забытые» факты его деятельности, коробящие потомков-земляков и ставящие под сомнение правомерность установления в Нижнем Новгороде памятника «герою», бежавшему за границу с разоренной им же родиной». Сегодня некоторые ученики А.В. Седова (в частности, Ф.А. Селезнев) пишут хвалебные статьи о Сироткине. Предполагаю,

что по их логике «вор» (по-советски) есть лишь «успешный» деятель (по-современному). Вот свидетельствование человека, которого никак нельзя обвинить в «советских» оценках. В донесении начальника губернского жандармского управления И.П. Мазурина директору Департамента полиции Р.Г. Моллову от 9 октября 1915 году говорится:

«Городской голова Сироткин до образования городского союза, в который он вошел в качестве члена, ничем не обращал на себя внимание, слыл лишь хорошим и ловким дельцом, не забывающим свое личное “я” и составившим из ничего довольно солидное состояние. К моменту возникновения войны он был неограниченным распорядителем в городском самоуправлении, но городскими делами занимался лишь в исключительных случаях, когда это ему создавало рекламу, часто отсутствуя по своим делам, так в 1914 г. не жил в Нижнем 240 дней. С момента вступления членом городского союза он, как старовер, благодаря поддержке Рябушинского, занял там видное положение и, пользуясь периодической печатью, стал усиленно рекламировать себя и вместе с тем приобретать все большее и большее влияние.

Как делец, искусно пользуясь текущим моментом, захватил и стал распоряжаться неограниченно всеми денежными средствами казны, отпускаемыми на нужды союза по Нижегородской губернии, причем более преследовал личные цели, чем названного союза. При самом начале войны, желая обеспечить близких и нужных ему лиц от призыва, Сироткин стал устраивать их на должности по судоходству, причем занес в списки служащих по судоходству даже сторожей конторы общества “Волга”, где он являлся хозяином предприятия, и на созданную им в то время должность городского общества “Волга” провел своего бухгалтера, который, не неся полицейских обязанностей, лишь получал кроме жалования по своей прямой должности еще жалование городского...»

Документ обширный, а о махинациях Сироткина и не единственный. Ведь далее в весьма объемном жандармском донесении идет речь о махинациях с овсом, сапогами, кожей, перевозками хлеба, продажей земли под военные заводы и т.д., и т.п. И таких документов масса! Вот, например, сообщение губернатора В.М. Борзенко министру торговли и промышленности В.И. Шаховскому о признании городской думы в том, что «никаких решительно оснований для повышения таксы (на зерно. — Н. Б.), тщательно проверенной и обдуманной, не имеется», однако «по настоянию городского головы Сироткина, который как заинтересованный почти во всех местных предприятиях делец явно сочувствует всякому повышению цен», такса (цена) на муку была повышена.

Печальным недоразумением выглядит постанова памятника Сироткину на Верхневолжской набережной. Об этом весьма серьезно как о достижении говорил в 2012 году тогдашний глава городской администрации О. Кондрашов, выделив на это «достижение» 1,35 миллиона рублей из городского бюджета. Теперь и О. Кондрашов находится в розыске как подобный Сироткину «успешный» предприниматель! Стоит напомнить, что подобные памятники есть, видимо, показатель современного отношения к подобным «успешностям», которые во все времена назывались воровством. Так, поставили на площади Лядова памятник старшему товарищу Сироткина «успешному» предпринимателю Н.А. Бугрову (он хоть и старовер, но и весьма аморальный тип). Умер Н.А. Бугров до войны, известен был и своей благотворительностью. К слову сказать, памятная доска установлена городской

администрацией и еще одному сомнительному деятелю из другой эпохи – князю Г. Грузинскому.

Обратим внимание на такую сторону дела. Двинувшись от государственного атеизма к религиозности, как всегда, перешагнули рамки. Так, памятная доска князю Грузинскому появилась лишь потому, что он показательно рекламировал себя православным. Неофиты (нередко вчерашние партийные работники) закричали «Ура князю Грузинскому!» – он, мол, и православный, и князь, значит, надо ставить памятник. Но ведь он еще и жулик, и хам, а в своей церкви в Лыскове требовал вести богослужение на грузинском, то есть на непонятном местному населению языке (где уж тут память о святых Кирилле и Мефодии, считавших, что служить Богу каждый народ обязан на своем и понятном языке, а русским – на русском!), бил морды и рвал бороды! А это по-современному вроде бы как и не считается, поэтому поставьте памятник за государственный счет. И ведь поставили! Похожая ситуация с Бугровым. Прочитать хотя бы Горького о Бугрове: «успешный» (вор) предприниматель и аморальный тип. Ну и что? Не ограничились даже памятной доской – поставили памятник! И вот – Сироткин. «Успешный» (вор) предприниматель, из народа, да еще старообрядец. И ему – памятник...

Очень хочется вечной ясности: вор есть вор! Старообрядец и православный – вовсе не гарантия от воровства, от аморальности, лицемерия.

И то же самое о монархизме. Сироткин на юбилейных торжествах 1913 года восторженно говорил о династии Романовых, о народной и его личной преданности монархии, а после февральской революции говорил о вековых мечтах русского народа освободиться от монархии, о счастье свободы без романовского режима. Так кто он? Монархист? Республиканец? Мне кажется, он аферист и жулик. По плодам их узнаете их, сказано в Писании. А плоды мы видим из опубликованных документов.

Писал эту статью, а по телевидению шел сюжет о вынесении приговора бывшему главе города и «успешному» предпринимателю О. Сорокину. Человек «из народа», как и Д. Сироткин. Вспоминается в связи с этим размышление героя романа «Унесенные ветром» М. Митчелл, капитана Ретта Батлера, о том, что в начале большого состояния всегда стоит вор, разбойник, пират, а потом уже много лет спустя его потомки становятся джентльменами. У покровителя Д. Сироткина Рябушинского дети стали джентльменами, учеными, исследователями. У человека из народа Демидова появились потомки князя Сан-Донато. Весьма расхожая интернациональная история, однако и происхождение из народа не дает гарантии от преступлений, воровства, взяток. Сколько нужно было талантов из народа тому же Д. Сироткину умереть с голоду, чтобы когда-то в его роду появились воспитанные люди («джентльмены»)? Да и так ли точно появятся они – чистые «сироткинские потомки»? Не уверен.

И, к слову, о памятниках. В.И. Даль, П.И. Мельников-Печерский, В.Г. Короленко, композитор Б.А. Мокроусов, гениальный математик Н.И. Лобачевский до сих не запечатлены в Нижнем Новгороде в полноценной скульптуре, довольствуются мемориальными досками. Список, конечно же, неполный... Однако и он делает, мягко выражаясь, нелогичной постановку памятников сомнительным личностям.

Вернемся к прошлому. Выше речь шла в основном о городской власти. Другая, вышестоящая, губернаторская власть, в Нижегородской губернии была явно слаба: губернаторы сами были инертны, а люди

к ним безразличны (указ. соч., т. 1, с.12). Полномочия губернаторов весьма серьезно были увеличены из-за войны, но они явно не справлялись с обязанностями. Настроение населения в первые дни войны было тревожно-настороженное или обреченно-терпеливое, но никак не патриотически-приподнятое. Да, мобилизованные бодрятся, один-два слегка выпимши, поют песни, но вся масса родных громко и горько рыдает (док. 44). Из донесения начальника жандармского управления И.П. Мазурина следует, что «в общем мобилизация прошла спокойно», хотя ровно половину донесения занимает описание погромов и грабежей казенных винных лавок в Васильском (Василь-на-Суре, нынешний Васильсурск. – Н. Б.), Макарьевском, Семеновском и Варнавинском уездах (последний входил тогда в состав Костромской губернии) новобранцами (док. 53).

Уже в августе 1914 года в Нижний Новгород стали приходить поезда с ранеными. Первый поезд был торжественно встречен, а затем к поездам не подавали даже гужевого транспорт, не подносили ни хлеба, ни папирос. Вопрос о единой системе помощи раненым оставался открытым на протяжении всей войны (док. 65, 73). Реальные возможности губернии были превышены уже в первые месяцы войны, а согласно циркуляру министра внутренних дел Н.А. Маклакова на государстве оставались лишь заботы об армии и семьях мобилизованных, а все остальное (отопление, освещение, социальная и медицинская помощь и т. п.) должно было удовлетворяться за счет общественных и частных пожертвований. Нижегородская губерния – производящая, а не продовольственно-сельскохозяйственная, поэтому в ней стала быстро нарастать проблема питания и помощи раненым, беженцам, страдающему населению и т. п. Естественно, началась спекуляция воинским обмундированием (в числе присланного домой мобилизованными на действительную военную службу нижегородцами были брезентовые палатки, солдатские шинели, подштанники, рубашки, полотенца, сухарные мешки, сукно, седла, уздечки, стремяна, вожжи и т. п., о чем свидетельствовали описи, составлявшиеся уездными исправниками). В то же время нередко были и добровольные акции населения по помощи фронту самым необходимым (теплые вещи, белье, посылки с подарками, колбасой, хлебом, чаем, табаком, мылом, писчей бумагой, конвертами, карандашами и т. п.).

В начальный период войны беда сплотила людей, революционные настроения заметно ослабли. Однако осмысление происходящего быстро приводило к критическому отношению к войне. Уездные исправники и жандармские чины в донесениях и рапортах стали фиксировать возрастающее недовольство народа: так, крестьянин Ф.П. Ширыпаев своими выступлениями сорвал выделение сельским сходом села Бакшеево денежных сумм на нужды семейств призванных, заявляя, что «война нам не нужна, а воевать мы не заставляли», а крестьянин села Быковка В.С. Сухов был арестован жандармами за речи о том, что «царь лезет в карман за наживой, из-за которой он и ведет войну, и что совсем бы воевать не надо». А уже в феврале 1916 года произошел показательный случай. Семейная ссора в селе Малая Пуза Лукояновского уезда закончилась сожжением в печи портрета Николая II из-за нежелания рядового Я. С. Шашина возвращаться из отпуска и «служить такому болвану».

В Нижний Новгород было эвакуировано к 27 октября 1915 года 26 промышленных предприятий, государственных учреждений, банков

и учебных заведений. Прибыли рижские заводы «Фельзер», «Новая Этна», «Молот», фабрика акционерного общества Отто Эрбе, военно-амуничная и сапожная фабрика из г. Вильно и др. Уже в 1915 году стало не хватать продовольствия: «почти полное отсутствие запасов пшена, крайняя недостаточность запасов соли». Однако правления товариществ Д.В. Сироткина, М.Е. Башкирова, Я.Е. Башкирова, Н.А. Бугрова продолжали вывозить муку до 100 тысяч пудов в сутки, вывезли за три недели 1,5 млн пудов и оставили в городе около 500 тыс. пудов, чего едва могло хватить населению. Указанные «предприниматели» требовали резко повысить таксу цен на муку и не исключали вывоз остальной муки (док. 204). В результате этих склок губернатор В.М. Борзенко под предлогом болезни покинул Нижний Новгород, а вместо него появился губернатор А.Ф. Гирс. Уже к 1 июля в губернии «нужды было хоть отбавляй» и требовались дополнительные средства.

Еще один интересный момент выявляют документы того времени. На территории губернии появились чужаки, и в большом количестве. Это и беженцы из западных губерний, эвакуированные раненые и военнопленные. Все они требовали дополнительных затрат, резко обостряли продовольственный вопрос, создавали много неудобств местным жителям. На решение всех этих проблем выделялись и государственные деньги, проводились сборы в помощь. И вначале люди охотно откликались на просьбы помочь. Больные кожными, легочными, желудочными болезнями, завшивленные и в лохмотьях беженцы в количестве более 60 тысяч человек появились в губернии, в которой не было денег на их содержание. А в уже возвращенные в 1916 году западные губернии их запретили отпускать по распоряжению штаба Верховного главнокомандующего. «Гостям» «польской, еврейской, литовской национальностей, кроме государства, оказывали помощь национальные комитеты помощи беженцам». В результате русские переселенцы оказывались в худшем положении. В результате, конечно, появились грубые формы ксенофобии, антисемитизма. Негатив по отношению к представителям немецкой нации, лицам, носящим иностранные имена и фамилии, последовательно нагнетался властями губернии (док. 99, 102).

К концу 1915 года в губернии было уже 1,5 тысячи военнопленных. И в документах рисуется довольно противоречивая картина. Так, отношение местного воинского начальника к чужим солдатам и офицерам более радушное, чем к своим: «местным воинским начальником военнопленные резко выделяются от наших русских воинов как в обращении, так и в пищевом довольстве... С военнопленными всегда обращение вежливое и даже заискивающее, с русскими же сугубо строгое; приварок и хлеб военнопленным отпускается лучшего качества и мяса больше. Вообще военнопленные устраиваются здесь лучше наших русских воинов» (док. 231). Это отношение к иностранцам есть какая-то особенность русских, и эта особенность не до конца объясненная.

Прибывали и раненые. Всего к сентябрю 1915 года в губернском центре были оборудованы лазареты на 10 тысяч мест. Всего в 100-тысячный город прибыло 25 тысяч фронтовиков, которых толком нечем было лечить. Были эвакуированы в Нижний Брест-Литовский крепостной и Варшавский сводный госпитали, Осовецкий крепостной лазарет и другие крупные военно-медицинские пункты с имуществом и более чем двухтысячным персоналом, занявшие несколько городских помещений. Заметим здесь, что Осовец и его крепость стали знамениты своей фантастической обороной и удивительной «атакой мертвецов»,

составившими, может быть, самые героические страницы Первой мировой войны. Возможно, стоит в архивах поискать каких-либо свидетельств именно из этого лазарета. Ведь Осовец не был взят немцами, был оставлен по приказу, а значит, герои обороны Осовца могли поехать в Нижний Новгород, оставить какие-то следы или воспоминания.

А далее начался 1916 год, год высшего военного, производственного напряжения, год военных успехов и усталости страны. А в Нижнем началась борьба за приватизацию Выксунских горных заводов группой «успешных» предпринимателей во главе с Д.В. Сироткиным. Общественность заметила это и оценила как очередной акт «успешного» грабежа общества. Подобные попытки репрофилирования или перехода заводов и производств из рук в руки нередко приводила к реальному падению производства.

Усугубился продовольственный вопрос. Уполномоченным Министерства земледелия по заготовке ржи, овса и гречневой крупы для армии и населения в районе Средней Волги был назначен Д.В. Сироткин. Результат был ожидаемым: «в губернии может наступить голод со всеми вытекающими из него серьезными и тяжелыми последствиями», – писал председатель Нижегородской земской управы П.А. Демидов 7 ноября 1916 года министру земледелия А.А. Бобринскому. Рост цен на крупу, муку, масло составил более 100% за 1916 год, а паек семьям военнослужащих практически не рос. «Особенно страдают дети, лишенные двух главных продуктов питания – молока и сахара» (док. 336). Устрашающие приказы против спекуляции и угрозы штрафами и арестами не помогали, почему в конце октября 1916 власти ввели в губернии карточную систему. По губернии прокатились «сахарные погромы» – в Канавине, Гордеевке, на Бору, в Балахнинском, Семеновском, Княгининском, Лукояновском уездах. Для справки: если в стране в 1915 году было зафиксировано только 9 народных протестов против спекуляции и дороговизны, то в 1916-м уже 203...

А в 1917-м цены выросли в 3–5 раз. Перед уже начавшей голодать губернией все яснее вставала жуткая перспектива. 15 сентября 1917 года губернским комиссаром М.И. Сумгиным в Министерство внутренних дел была направлена телеграмма о том, что «в губернии наступает продовольственный голод». Крах наступал по всем позициям. Сама схема управления все больше демонстрировала свою негодность. На состоявшемся в Севастополе в мае 1916 года специальном совещании губернаторов было сделано заключение: «По общему отзыву присутствующих работа местных военно-промышленных комитетов не дала никаких результатов. Закрытие их не отразилось бы ни на деле, ни на настроении рабочих, но породило бы протест в среде так называемой интеллигенции. Ввиду этого к закрытию их прибегать не следует, но надлежало бы в состав комитетов ввести представителей государственного контроля и фабричной инспекции, так как правильность расходования кредитов вызывает большие сомнения». «Большие сомнения» вызывает и деятельность Нижегородского областного военно-промышленного комитета. К началу 1918 года стали очевидны ее итоги, свидетельствующие о его реальном вкладе в обороноспособность страны в 1914–1917 гг. Согласно ведомости заказов, принятых техническим отделом комитета с момента его основания по 1 января 1918 года, из всего ассортимента продукции для армии «оружие войны» (бомбометы, снаряды, гранаты и т. п.) занимало только 6 позиций из 70 наряду с ручными ножницами, двуколками, подковами, лопатами, бидонами, чайниками, пуговицами

и т. п. (док. 542). Причем имели место невыполнение и аннулирование ряда заказов. Хозяева тогдашней жизни набили свои карманы, а выполнить обещанное не смогли.

Нижегородская губерния была и в этом качестве показательной для России. Страна не прошла полностью индустриализацию, руководилась начальством, не думавшим о тыле и производстве до войны, и предпринимателями, «успешно» наживающимися во время войны. Россия быстро катилась к катастрофе. Свержение царизма вызвало недолгий всплеск радости и ожиданий, были разрушены последние опоры порядка, режима и власти, и наступили жуткие времена. В сборнике приводятся записи из дневника жены архитектора нижегородской ярмарочной конторы М.В. Мичуриной:

«Июнь 1917 г.

А у нас делается что-то ужасное. Войну мы проигрываем. Солдаты с фронта бегут. Немец двигается почти беспрепятственно. В Нижнем делается что-то ужасное. Солдаты не хотят идти на войну. Все улицы полны солдат. Растерзанные, грязные, без поясов, с бабами, шляются всюду. Ходят с бабами по домам под предлогом обыска муки, воруют все, что надо, швыряются в сундуках, комодах. И ничего нельзя сделать. Милиция бессильна. Это ужас какой-то. Провизии нет, мясо – 1 р. 30 коп., картофель – 7 р. мера... Сахара нет, чая нет. Белый хлеб уже не продают, а дают по 2 ф. муки в месяц на челов.

<...>

Октябрь 1917 г.

Со дня на день ждут погромов. Говорят, будут бить жидов, буржуев, интеллигенцию, громить разные продовольственные комитеты, управы, бить, громить... Только и слышим. К этому уже привыкли, говорят хладнокровно, называют сроки – теперь срок воскресенье – жидовский погром, а то, говорят, 20-го будут ходить по домам и резать интеллигенцию. Газеты полны описаний ужасов, всюду бьют, режут, грабят. Защиты нет, нет ни полиции, ни войска, никакого начальства. Каждую ночь грабежи. В 8 ч. на улицу страшно выходить – раздевают, разувают. Как темнеет – пустеют улицы, город точно умирает, ни прохожих, ни проезжих.

Муки нет. Продают на пристанях потихоньку ржаную муку 40 р. пуд. Говорят, в городе муки на неделю, а там голод и все ужасы.

Вся надежда на Царицу Небесную. Пресвятая Богородица, сохрани Котика (сын автора дневника. – Н. Б.)» (док. 541).

Вот положение в губернии в период Октябрьской революции. В Нижнем достаточно долго существовало двоевластие, которое окончательно кончилось в декабре 1918 года...

Разумеется, в одной публикации невозможно охватить весь объем информации, представленной в большом массиве опубликованных документов, многое еще нуждается в осмыслении. Тем более нельзя не отметить огромную работу составителей и авторов сборника по сбору, систематизации, описанию и комментированию документов. Для серьезных исследователей и вдумчивых читателей они не просто свидетельства давно минувшей эпохи. Они помогают лучше понять настоящее и рисуют многие черты будущего.